

“ГРЮНДЕРСТВО” НА ПОШЕХОНСКОЙ ПОЧВЕ

Диалог журналиста Валерия Бадова и экономиста Солтана Дзарасова

Более не существует тенденции к тому, чтобы дела (в экономике) улаживались сами собой.

Джон Кеннет Гэлбрейт,
автор теории “постиндустриального общества”.

В. БАДОВ: Это высказывание Гэлбрейта относится к 70-м годам. Напротив, такой столп рыночного фундаментализма, как Людвиг фон Мизес, непоколебим: “...Экономические теории, на которые опирается либеральное общество, – неопровержимы”. Нынешний мировой кризис сурово рассудил, за кем правота?

С. ДЗАРАСОВ: Утверждение Мизеса опровергнуто экономической наукой на Западе задолго до того, как Гэлбрейт подвел черту под знаменитым символом веры Lasser Fair. К 70-м годам прошлого века в экономической науке на Западе преобладало кейнсианское направление. Потом тренд сменился на неоклассический. Идеи и постулаты фон Мизеса вновь были востребованы. Мизес был учителем Людвиг фон Хайека, а Хайек – предшественником Милтона Фридмана. Это одна и та же сквозная линия развития западной экономической мысли, которая именуется неоклассической и неолиберальной. Великая депрессия 1929–33-х годов нанесла по этому мировоззрению сокрушительный удар. Так называемая самонастраивающаяся рыночная экономика претерпела крах. Сам способ “настройки” и привел к депрессии. Жизнь показала, что ставка на “невидимую руку рынка” таит в себе источник нестабильности, что и приводит капиталистическую экономику к тяжелым кризисам. Великая депрессия 30-х – событие особое. Она имела далеко идущие последствия для всего мирового хозяйства. Выход из порочного круга нестабильности открыл Джон Мейнард Кейнс, который осмыслил уроки Великой депрессии в изданной в 1936 году книге, названной “Общая теория занятости, процентов и денег”. Новаторский труд английского ученого ознаменовал подлинную революцию в экономической теории.

ДЗАРАСОВ Солтан Сафарбиевич родился в 1928 году в селе Чикола (Северная Осетия). Доктор экономических наук, профессор. Автор более 100 работ по экономике и политологии. Живет в Москве.

В. Б.: Вернемся, однако, к сегодняшнему мировому финансовому кризису. Как его протекание отразилось на научной репутации оспаривающих друг друга экономических идеологий – неолиберальной и, условно говоря, гэлбрейтовской?..

С. Д.: Есть две вещи, которые я должен предварительно оговорить. Кейнсианская концепция в первые годы после Второй мировой войны получила широкое практическое применение в политике государств Запада. В особенности – во время послевоенного восстановительного роста мирового хозяйства. Регулирование экономики “по Кейнсу” оказало положительное влияние на развитие капиталистического общества. Два послевоенных десятилетия ознаменовались высокими темпами экономического роста. По существу, бескризисным развитием. Сложилась основы социального государства. Однако, по мнению владельцев крупнейших состояний, капитал вносил чрезмерную лепту в процветание “общества массового потребления”. И со временем от классического кейнсианства власть имущие отказались. Но не напрочь. Либеральная теория Мизеса–Хайека–Фридмана оказалась преобразована Самюэльсоном, Хиксом, Модильяни и другими видными западными экономистами в так называемый *неоклассический синтез*. Кейнсианство как бы приладили к теории саморегулирования, восходящей к Адаму Смиту. И новый кризис как раз застал Запад при господстве неоклассической теории. Столпы ее ручались, что никаких кризисов, наподобие Великой депрессии, впредь не приключится. Взгляд Кейнса, что нестабильность капиталистического уклада внутренне ему присуща, был “опровергнут”. Но сторонники кейнсианской традиции не сдались. Хаймон Мински в 1986 году издал книгу, названную “Стабилизируя нестабильную экономику”, и доказал, что нестабильность все еще присуща капитализму, какие бы превращения он ни претерпел. И что мир необратимо движется к новому всеобщему кризису, в который мы, как по-писаному, и оказались сегодня ввергнуты. И в возможность которого либеральный истеблишмент Запада и его идеологи “не верили”. И в этом смысле идеи Гэлбрейта и Мински преемственны. Вот только Мински более детально разработал ключевые положения кейнсианства применительно к гэлбрейтовскому “постиндустриальному обществу”.

В. Б.: В свете новых кризисных реальностей произошла ли переоценка неоклассического синтеза?

С. Д.: Самуэльсону удалось, как многим казалось, невозможное: соединить консервативные идеи Кейнса, полагаю, не лучшие его идеи, недостаточно разработанные, с фундаментальной либеральной теорией. И получился некий “меланж”, который не выдержал столкновения с реальностью.

Между тем, в западном сообществе экономистов неоклассический синтез господствует и по сей день.

В. Б.: Французский экономист Дэниэль Коэн, проницательный исследователь природы капитализма и его метаморфозы на стыке XX–XXI веков, загодя, до того, как мировой кризис обрушил финансовые рынки, высказывался об “интеллектуальной катастрофе” либерализма фридмановского толка. Коэн заявил: “Либеральная утопия рыночного общества совершенно чужда капитализму”. И далее: “Либерализм есть нечто призрачное вдвойне”! Между тем, в самый разгар финансового кризиса российский премьер Владимир Путин в Давосе выговаривал мировому и политическому бомонду за “отступничество” от нерушимых либеральных принципов государственной политики. Путин подтвердил неизменную приверженность российской власти “открытым рынкам”, даже если на Западе и поддались искушениям “пагубного” протекционизма и проч. Российских олигархов и их западных контрагентов давосская филиппика Путина несказанно “воодушевила”. Выходит, оплот вероучения Мизеса–Хайека–Фридмана угнездился теперь на российском властном олимпе. Это “староверство” однако вышло боком: потери российской экономики от кризиса наибольшие среди двадцати индустриально развитых стран. И Путин во время сибирского своего “ралли” наконец признал, что российская экономика так и не выбралась из тенет кризиса. Премьер, правда, умолчал, что Россия держится на плаву лишь благодаря цене барреля нефти около 100 долл.

С. Д.: Гротескная мысль Коэна, что либеральная утопия “чужда капитализму”, если вдуматься, не красное словцо... Неоклассическая теория, основа “тэтчеризма”, едва ли бы так долго торжествовала, если бы не круше-

ние СССР. Запад неплохо на этом поживился, участвуя в разграблении наследия экономики второй “сверхдержавы”, перекачке капиталов, дешевых сырьевых ресурсов и советского интеллектуального капитала на Запад. Этот “дар небес” продлил век тэтчеризма в большой политике и неоклассической идеологии в экономической науке. Фукуяма провозгласил скоропалительный “конец Истории”. А Хаймон Мински испортил “обедню”, посулив “триумфаторам”, что наступление финансово-экономического кризиса типа Великой депрессии неотвратимо. Никто его и слушать не хотел. Но ведь Мински не один-одинешенек бил в колокол. Кейнсианская традиция на Западе все годы засилья неолиберализма оставалась жива и развивалась. И наступил момент истины, когда неоклассическая теория, даже в улучшенном варианте Самюэльсона-Хесса-Модильяни, потерпела полный крах.

В. Б. : Итак, вопреки глубокомысленным теоретическим построениям либеральных “фундаменталистов”, кризис все же накатил и смял глобальные “рынки” и капище финансового капитала – фондовую биржу. Триллионы долларов виртуальных капиталов “казино-капитализма” улетучились. Но фарисеи-менялы утешали публику, что произошло “упорядочивание” финансовых рынков. Однако прямые убытки одних только американских пенсионных фондов составили сотни миллиардов долларов! А это все живые деньги, отложенные на черный день “средним классом”... Как на мировой кризис откликнулись посткейнсианцы? Каковы вообще судьбы наследия Кейнса в западной экономической науке?

С. Д. : Как я уже упоминал, консервативную часть теории Кейнса подхватили Самуэльсон, Модильяни, а также Харрод, которые и разработали неоклассический синтез. Их замысел состоял в том, чтобы “усовершенствовать” старую догматическую теорию с тем, чтобы она осталась верна “на все времена” – как бы далеко ни зашла эволюция капитализма. Наступил будто бы “золотой век” по Адаму Смиту в интерпретации Хайека и других. Ирония в том, что в новой посткоммунистической России неолиберальную модель экономики, как на грех, подхватили в тот самый казусный момент, когда капитализм вползал в кризис, а защищающая этот строй теория терпела банкротство. Да, мы восприняли как откровение то, что было обречено. И от этого все наши несчастья! С безоглядностью и воодушевлением неофитов младореформаторы выкинули заодно как негодное “старье” немалое наследие советской экономической науки. Политическая экономия как классическая дисциплина была подменена псалтырью “Экономикса”. И вот что я должен особо отметить как содержательный вывод из моих долгодетних занятий экономической теорией. Значительная часть западных экономистов гораздо убедительнее, чем их советские коллеги-марксисты, доказывали, что капитализм движется к новой макронестабильности, кризису наподобие Великой депрессии.

В. Б. : К слову, один из культовых теоретических трудов Хайека озаглавлен, как бы в насмешку, “Пагубная самонадеянность”...

С. Д. : Мне доводилось вести дискуссию с коллегами в Кембридже. Посткейнсианское направление в экономической науке получило развитие именно там, в Кембридже. В отличие от Оксфорда, где всегда был оплот либералов. Кембриджская школа, в противоположность неоклассическому синтезу, соединила Кейнса, но не с Мизесом–Хайеком и Фридманом впридачу, а с Карлом Марксом. И в этом смысле она считается левым направлением в экономической мысли. Посткейнсианцы глубоко обосновали причины сегодняшнего мирового кризиса. К видным посткейнсианцам, на мой взгляд, относятся и польский экономист Колецкий. Некоторые ученые, и я в их числе, полагают, что заслуга Колецкого в том, что он продвинул кейнсианскую теорию. Я бы также назвал Джоан Робинсон, профессора Кембриджского университета, и многих единомышленников в университетах Америки. Издается и журнал “Посткейнсианская экономика”.

В. Б. : На наших глазах произошло столкновение “всеблагаго” неолиберализма с сокрушительным экономическим кризисом 2008 года. Последний уничтожил триллионы долларов дутых активов на Уолл-стрит, обездолил многие миллионы вкладчиков капитала, дотла разорил целый ряд государств Восточной Европы и Балтии. А Грецию пришлось вырывать из пекла кризиса, из долговой ямы, в складчину Германии, Франции и другим состоятельным членам ЕС... Казалось бы, уж слишком велики материальные жертвы на алтарь рыночного фундаментализ-

ма. Дороговато им обошелся Хайек... Изгнание государства из святой святых рынка, мистическая вера во всевластие “невидимой руки рынка” навлекли экономическое бедствие. Никуда не деться от пересмотра теории, так красноречиво изложенной фон Хайеком в памфлете “Пагубная самонадеянность. Ошибка социализма”. “...Никому не под силу то, что под силу рынку: устанавливать значение индивидуального вклада в совокупный продукт”, – назидал Хайек. Он называл эту свою умозрительную рыночную мистерию “упорядочением неизвестного”. Последнее, дескать, заведомо не поддается централизованному планированию. Символ веры неолиберальной экономической доктрины о превосходстве, по Хайеку, “спонтанных” преобразований над централизованными, для наших незадачливых российских реформаторов – неприкосновенная догма. Фон Хайек сформулировал этот принцип в незапамятном 1936 году. Любопытно, что он непоколебимо настаивал на нем и в работе... 1978 года, когда кейнсианское государственное регулирование, вмешательство законодателей и правительств в конкуренцию на рынке на Западе уж давно стало повсеместным и необходимым. Транснациональные компании, как убедительно доказал Гэлбрейт, еще на рубеже 80-х годов прошлого века вытеснили свободную конкуренцию на уже не существующем, на поверку, классическом рынке и даже – подумать только! – стали ему “заменой”. Там, где господствует олигополия, нет места свободной конкуренции. Крушение рыночного фундаментализма в горячке мирового кризиса повлекло ли прозрение, своего рода раскаяние в кругах экономистов либерального направления?

С. Д.: Увы, произошел разительный отрыв от реальности. На Западе неоклассическая либеральная теория, как ни в чем не бывало, господствует. Почему? Наверное, потому, что, как остроумно подметил все тот же Мински, экономическая теория является линзой, которая дает очень ясное, “стереоскопическое” представление о предмете исследования. И она же становится самыми настоящими шорами, когда устаревшие представления затмевают реальность. Сейчас неоклассическая теория в полном замешательстве. Она оказалась застигнута врасплох кризисом мирового масштаба, возможность которого отрицала. Знаменитое “этого не может быть, потому что этого не может быть никогда”. Тот же Мински, над концепцией которого в прошлом насмеялись, ныне на всем Западе на слуху и даже превозносится. Его книги издаются, но сама-то его теория на вооружение не взята, потому что тогда слишком много чего придется в корне пересматривать. Экономическое сообщество к такому потрясеню основ не склонно. Оно упрямит, противится по той простой причине, что альтернативная теория не ко двору “заказчику” – крупному финансовому капиталу. Колея неолиберального учения слишком хорошо накатана...

В. Б.: Русский экономист М. Аничков в фундаментальном труде “Война и труд” (1900 г.) назвал причиной экономической катастрофы в кайзеровской Германии после бума, последовавшего вскоре за победой во франко-прусской войне, то обстоятельство, что миллиарды (золотом) французской контрибуции были одновременно влиты в германскую экономику. “И всё, – пишет Аничков, – пришло в лихорадочное оживление”. Спекулятивный капитал поглотил экономику. И “победившее государство вовлечено в пучину банкротств, катастроф, безработицы и дороговизны”. Аничков винит германское правительство. Дескать, от его воли зависело правильное, экономически обоснованное применение манны небесной французской контрибуции. Перед немцами был выбор: “Помочь здоровому, свободному развитию национально-го производства или дать лишний импульс блестящему, но скоротечному и гибельному *грюндерству*”*. Впоследствии понятие *грюндерства* стало нарицательным. Невольно призадумаетесь: а не явился ли нездоровый бум в российской экономике 2002–2008 годов некой разновидностью *грюндерства* на нашей *пошехонской* почве. Только вместо военной контрибуции – десятикратная нефтяная рента, расточаемая

---

* В энциклопедическом словаре о *грюндерстве* сказано так: “Массовое лихорадочное строительство акционерных обществ, банков и страховых компаний... сопровождается банковскими спекуляциями, созданием дутых предприятий”.

российскими властями в ущерб национальному производству. При этом алчное проедание ресурса развития – нефтегазовой ренты идейно “окормляется” слепой, святее папы, приверженностью нашего правящего сословия ультралиберальным экономическим учениям.

С. Д.: Сравнение французской контрибуции с нефтяной рентой в образе *пошехонского* грюндерства, пожалуй, имеют основания. Но, на мой взгляд, в утверждении Аничкова есть неточность. Он полагал, что целесообразное использование французской контрибуции зависело от воли германского правительства. На самом деле воля правительства уже в тот период капиталистических отношений была подчиненной по отношению к довлеющей роли крупного капитала. Контрибуцию использовали на потребу капитала, утоляли его алчные вождения. А удел правительства – “исполнительного комитета буржуазии” – служить капиталу, олигархии. Таково и поведение российского правительства. В “тучные” 2000-е годы сотни миллиардов долларов нефтяной ренты издержаны не в интересах модернизации разоренной и устаревающей экономики, а на потребу олигархическим кланам и коррумпированной бюрократии.

В. Б.: Наши власть имущие, выходит, потворствовали, ровно по Аничкову, “блестящему, скоротечному и гибельному грюндерству”? И теперь мы расплачиваемся за эту безответственность? Про “энергетическую” сверхдержаву” уже помалкивают. Риторика сменилась. Только и разговоров о “модернизации”. А когда глядишь на распределение капитала, вектор инвестиционных проектов, безоглядную ставку на валовый вывоз сырья, самоочевидно, что “модернизация” – лишь славословия, очередной демагогичный жупел. А на поверку всё то же моление на нефтяную ренту и возобновившиеся спекуляции на фондовой бирже, с жирными барышами.

С. Д.: Россия опрометчиво позаимствовала модель экономики спекулятивного капитализма. Наши скоробогачи-олигархи, прикарманив несметную государственную собственность, пренебрегли обязанностью развивать экономику, как это проделал в прошлые века индустриальный капитализм. Напротив, они последовали примеру своих нынешних собратьев с Уолл-Стрит и занялись спекулятивными операциями по умножению личных миллиардных состояний, изымая капитал из реального сектора экономики. Рентные доходы рекой утекают на Запад. То, что на Россию пролился золотой дождь от продажи энергоресурсов, обернулось глубоким несчастьем для народа, но отнюдь не для тех, кто на этом разжирел. Кому, на поверку, достались вершки и корешки нефтегазового пиршества? Богатые стали богаче, а бедные еще беднее. Россию в мире стали едва ли не в насмешку величать *петростейтом*, нефтяным государством. Эта незавидная репутация для страны, которая на рубеже 70-х годов прошлого века производила почти половину американского ВВП. Нефтедоллары сделали как бы “ненужным” поступательное развитие реальной экономики. Последние двадцать лет – это, воистину, карабанье вверх по лестнице, ведущей вниз. Найдите мне другую такую страну, которая бы за двадцать лет развития топталась на месте. И так называемый рост ВВП не был реальным ростом.

В. Б.: Россия чем дальше, тем пуще становится сырьевым “лабазом” даже для таких стран, которые вступили на путь индустриализации на полвека позже СССР. А нашим “лабазникам” – нефтяным и алюминиевым олигархам – нисколько не зазорно это униженное положение России в мировом разделении труда. Экспортная выручка валом вывозится олигархами за границу, выкупаются промышленные активы, часто убыточные, но наши “сырьевики” изо всех силенок мостятся к метрополии “мировых денег”. Норовят породниться с аристократией “старых денег”. А мне живо припоминается в этой связи острое замечание Маркса: “Финансовая аристократия как по своему способу обогащения, так и по характеру своих наслаждений есть не что иное, как вторжение люмпен-пролетариата в верхи буржуазного общества”. Вот как, парадоксально, уничтожительно автор “Капитала” высказался о мировых менялах. В наше же время безнравственный и алчный финансовый капитал владычествует, заедает капитал промышленный, помыкает правительствами и нациями. Так называемый Фининтерн, цитадель которого на Уолл-стрит, принудил властную бюрократию покрыть убытки обрушившегося

мирового кризиса за счет налогоплательщиков, а сам вышел сухим из воды. Против “жирных котов” Уолл-стрита как будто бы взбунтовался даже сам президент Обама... Верно ли и в наше время острое суждение Маркса о люмпен-пролетарской природе мировых менял, ростовщического капитала ввиду неприглядной изнанки сегодняшнего кризиса? Осталась ли она неизменной и в XXI веке?

С. Д.: Да, пожалуй, хотя и целые века минули... Но всего очевиднее суждение Маркса подтверждается применительно к России. У нас олигархический капитал и по своему происхождению – люмпен-пролетарский и паразитический. Аргентинский экономист Франк на эту тему написал исследование, в котором убедительно показал, что люмпен-буржуазия характерна в особенности для периферийных стран, которые метрополия капитализма подчинила своим алчным интересам. Так что прослеживается очень любопытная связь между тем, как судил о “финансовой аристократии” Маркс, и тем фактом, что современный экономист написал целую работу о подноготной Фининтерна и его вассалов применительно к периферийному капитализму.

В. Б.: “Прекрасные и мучительные” – так, выпренок, по-новой, воспевают на все лады чубайсы, немцовы и ясины крошечные и позорные 90-е годы. А вслед за ними и юные адепты туземного “монетаризма” из Высшей школы экономики. Прорежимные масс-медиа наперебой славят шоковую терапию, грабительскую приватизацию. Те самые “институциональные преобразования”, а на поверку преступления, которые впору прозвать *срытием*, – есть такое старое русское словечко, Советской цивилизации. Однако для отвода глаз вновь и вновь вколачивается в умы митрофанушек из новорусской поросли лживая идеяка о некоей “искупительной” жертве. А вот если оценить по гамбургскому счёту наследие 90-х, что находим в сухом остатке?! Чем афера с “вхождением в рынок” обернулась для страны и сограждан? Гиперинфляция, три девальвации, конфискация личных сбережений всех поголовно. И, под венец, после разгрома “нулевых” – 200 миллиардов долларов золотовалютного резерва, бесшабашно растроченных якобы для поддержки, впрочем, безуспешной, эфемерного курса рубля. Зато менялы хорошо на этом поживились... Сам Угрюм-Бурчеев управился бы “не хуже”... Рубль так и остался мягкой, то есть второразрядной, уязвимой валютой, вопреки тому, что обеспечен реальными ценностями на порядок выше, чем многие другие валюты, которые слывут твердыми. Однако, если копнуть глубже, у нечестных манипуляций с рублем прослеживается темная предыстория.

Немногие, как мне представляется, догадываются, что “убийство” рубля на рубеже 1992 года на самом деле было преднамеренной акцией. А все-таки доказательств тому достаточно. Разрушение финансовой системы СССР – сознательный умысел “реформаторов”. Косвенным подтверждением тому являются итоги международного конкурса проектов конвертируемого рубля, проведенного фондом американского предпринимателя Фёрса в 1989 году. Свои работы послали на конкурс сотни экономистов из разных стран. Вы, Солтан Сафарбиевич, заведовали тогда кафедрой политэкономии российской Академии наук и стали одним из трех победителей конкурса на лучший проект конвертируемости рубля. А всезнайка Явлинский и компания остались несолоно хлебавши. Этот, без преувеличения, контрапункт борьбы вокруг пути надвигающейся как грозовая туча рыночной реформы экономики ныне позабыт. А между тем, на мой взгляд, конкурс фонда Фёрса был действительно знаковым событием. Драматический контекст его подразумевал: в какой створ направится все дело преобразования плановой экономики в рыночную... Сегодня, спустя двадцать с лишним лет, какой вам видится подоплека интриги в политических и экономических кругах вокруг содержательных итогов международного конкурса конвертируемости рубля? И еще: какова была главная предпосылка Вашего проекта? Ведь конвертируемость национальной валюты в кризисное время – опасный маневр. И ошибка здесь фатальна?..

С. Д.: Конвертируемость национальной валюты не является самоцелью. Главный пункт моего проекта – в постепенности перехода на конвертируемость рубля путем развития экспортных отраслей производства и обрабатывающей промышленности с тем, чтобы отвоевать себе площадку на мировом рынке. И использование валютной выручки государством, а не желторотым

спекулятивным капиталом, всю жировавшим уже тогда из-за горбачевских опрометчивых потачек. И не для скопидомского накопления валютных резервов казной в так называемом Стабилизационном фонде, который есть прямой минус национальным интересам. Ни к чему хранить валютный доход за границей вместо того, чтобы вкладывать капитал в передовые технологии и отрасли экономики. Завоевать место под солнцем мирового рынка способна конкурентоспособная экономика на основе инноваций и перевода капиталов из сырьевых отраслей в перерабатывающие, прежде всего, отрасли с высокой технологией. Господствующий в нашей экономике крупный бизнес в этом не заинтересован, а существующая власть давно сочла за лучшее отказаться от способов воздействия на экономику. В этом было одно из основных требований Вашингтонского консенсуса, в соответствии с которым проводились рыночные реформы. Между тем, крепок тот рубль, за которым стоит пророст нерентных валютных доходов, положительный платежный баланс. И не за счёт продажи сырья, а изделий ума и труда. Вот на этом, если совсем упрощенно, и базировалась моя концепция. Валютные доходы страны подчинить – всецело! – созданию конкурентоспособной экономики и за этот счет создать на мировом рынке высокий спрос на рубли. Если рубль нужен всем и за ним стоит развитая конкурентоспособная экономика, тогда к нему есть доверие. Если же живёшь одной продажей сырья, то его быть не может. Коротко говоря, конвертируемость – это доверие к валюте. Конвертируемость как итог, а не предтеча вхождения нашей экономики, в мировое разделение труда.

В. Б.: Разве не переключается этот ваш проект конвертируемости с тем, что почти в течение уже трех десятилетий последовательно, без оглядки на злопахотельство менял Запада, проводит Китай? Даже на том продвинутом рубеже, когда китайская экономика является лидером мирового рынка, юань все еще не является свободно конвертируемым?..

С. Д.: Именно. Отказавшись от Вашингтонского консенсуса, Китай разработал собственную модель *планово-рыночной экономики*, составной частью которой стало постепенное конвертирование юаня. Теперь он занял достойное место на мировом рынке. Китайский ширпотреб проник во все закоулки мирового рынка, и это обеспечило громадный приток в страну таких объёмов валютных резервов, каких нет ни у кого. Теперь экономика США зависима от китайской экономики больше, чем наоборот. О таком положении экономики нам теперь не приходится и мечтать.

Между тем двадцать лет назад всё было по-другому. Экономика СССР времен так называемого “застоя” была несравненно более развита, чем китайская. Потому мы и преуспели бы гораздо больше, если бы не авантюра с “шокотерапией” и сумасбродным “прыжком в рынок”. Китайцы подступились к реформе экономики и всего уклада планового хозяйства с очень низкого уровня. В Поднебесной не было ни накоплений, ни технологий, ни в достатке сырья... Китайцы начинали с площадки риса на едока, а сегодня скупают по всему миру технологии, месторождения, стратегическое сырьё... Мы в СССР стояли все-таки на куда более высоком уровне зрелости экономики. Всё это достояние оказалось погублено, расхищено, по ветру пущено “либеральными” реформаторами. Китай же, благодаря тому, о чем я говорил выше – разработке собственной модели экономики, соответствующей его интересам, – стал самой динамичной экономикой в мире. В то время как за истекшие годы развития по либеральной модели валовой внутренней продукт России после резкого падения еле достиг сейчас уровня двадцатилетней давности, валовой продукт Китая возрос в 5,3 раза. Вот что значит идти верным или неверным путём.

В. Б.: В связи со сказанным Вами хотелось бы вернуться в назлектризованную атмосферу 1989 года. В те горячие, запальчивые споры и, я бы сказал, темные идеологические махинации, что творились на Старой площади в окружении Горбачева. Насколько я знаю, Вы, Солтан Сафарбиевич, являлись тогда одним из идеологов Интеллектуального клуба Московской демократической платформы. И уже тогда наметились резкие разногласия в кругу экономистов, которые ратовали за глубокую реформу экономики. Конкурс Фёрса явился своеобразным тестом на добросовестность, компетентность, здравомыслие и профессиональных экономистов, и демагогов “улицы”, выдвигавших альтернативы “директивной” экономике... И предприятие Фёрса как раз было по тем временам редкой, неполитизированной затеей. Критерием стал про-

фессионализм. Неудивительно, что демократические витии от экономик не могли преуспеть в честном состязании идей...

С. Д.: В самом деле, тот факт, что американский предприниматель Фёрс, а не советские, равно как и последующие российские власти, позаботился о том, чтобы во главе угла стояли компетентность и прагматика, много о чём говорит. Жюри конкурса, как известно, возглавлял один из ведущих в мире экономистов, в то время уже американец, но с большой симпатией относившийся к России, наш бывший соотечественник, лауреат Нобелевской премии Василий Леонтьев.

Конкурс был проведен деловито, по-американски, а не так, это делается у нас, когда всё заранее предрешено. Всякие личные связи и неделовые решения были исключены. Проекты были закодированы, а потому единственным критерием оценки был уровень научной обоснованности и практической целесообразности. В оценке проектов участвовали эксперты Международного валютного фонда и Гарвардского университета, правда, совсем не те, которые потом манипулировали Гайдаром. Высокая компетентность и добросовестность жюри Леонтьева никем под сомнение не может быть поставлена. Тем не менее, его рекомендации приняты не были. Фёрс вместе с одним из членов жюри приехали в Москву и добились у Рыжкова и Абалкина согласия на проведение международной конференции в Ленинграде с участием Леонтьева и других мировых светил. Но это тоже сделано не было. Видно, власти посчитали, что идущая мимо них авторитетная международная акция бросит тень на их компетентность, а этого они допустить не хотели. В итоге получилось, что инициатива искренне озабоченных российскими интересами учёных была отвергнута и тем самым была открыта дорога совсем другим из администрации Белого дома и Гарвардского университета. Ельцинская администрация в союзе с Белым домом выдвинула политизированных специалистов, осуществивших стратегию развала российской экономики, её превращения в сырьевую кладовую других стран. История жестоко нам отомстила: не захотели спасителей — получили могильщиков.

В. Б.: Неспроста ведь тогда на слуху было бесподобное выражение — концеры экономистов...

С. Д.: Ничего удивительного. Безразлично отнесся к нашим проектам (их было шесть, и они мало отличались друг от друга) и работавший в те годы в правительстве мой старый друг, академик Леонид Абалкин. Тогдашний глава правительства Николай Рыжков проявлял больший интерес к ним. Несмотря на это, успеха они не имели. Следует иметь в виду, что проекты по названию были посвящены рублю, а на самом деле речь шла об экономике в целом. В слабой экономике крепкой валюты быть не может. “Аппарат” их отыграл... К сожалению, у Горбачева же вовсе не было определенной стратегии перехода к рынку. Все академики-экономисты соперничали на поприще влияния на Горбачёва, убеждая его в том, что лучше него никого нет и лучше быть не может. Была такая внутривидовая борьба, порождаемая завистнической конкуренцией. Впоследствии, придя к власти, по-своему на это отреагировал Ельцин. Он вообще отстранил академиков от участия в разработке российских реформ и обратился за помощью к Белому дому. Вашингтон легко обратил главного российского популиста и борца с номенклатурой и привилегиями в либеральную веру в силу его полного невежества в экономических вопросах и делах руководства страной, оказавшейся на перепутье между плановым прошлым и рыночным будущим. Скорый на безрассудства Борис Николаевич враз отлучил от дела наиболее компетентных отечественных экономистов. Вместо этого приветил тех, кого ему насоветовал американский Белый дом.

В. Б.: Ныне в связи с кончиной Егора Гайдара вновь его славословят как “отца” рыночной реформы. Президент Медведев даже учредил в его честь премию. А ведь действительная, немифическая роль Егора Тимуровича в претворении провалившегося перехода к рынку была незавидной. Не так ли это?

С. Д.: Да, это так. Западные экономисты, с которыми мне доводилось беседовать, называют Гайдара Straw man. В буквальном переводе — соломенный человек. То бишь подставная фигура. Подлинным закоперщиком российских “реформ” был Ларри Саммерс, бывший заместитель министра финансов Соединенных Штатов, которого Клинтон назначил ответственным за российские реформы. Ныне он экономический советник Обамы. Что касается Гай-

дара, Чубайса и других, то они только выполняли то, что им предписывали их американские патроны, и проталкивали эти решения здесь. Так что если президент Медведев так доволен реформами и кого-то хочет чтить, то лучше главного, чем его подчиненного.

В. Б.: Между тем в масс-медиа России и Запада возобновилась патетическая версия российских реформ 90-х годов. Наглядный пример – толстенный опус американца Хоффмана под названием “Олигархи”. Оказывается, архаровцы-“младореформаторы” выполняли некую “провиденциальную” черную миссию. Неблагодарную работу по ликвидации тяжкого тоталитарного гнета, в котором якобы влачила экономика старой “сверхдержавы”. Эти люди (российские олигархи) отстаивали исключительно свои собственные интересы и совершили самую крупную кражу в истории – так отозвалась “Санди Таймс” об увлекательной саге Хоффмана. Но это, дескать, было ограбление во благое ограбленной страны, потому что в противном случае Россия бы “зачахла” в условиях пресловутой “административно-командной системы”. Нелепость и цинизм хоффмановской работы сопоставимы лишь с мерой его лицемерия. И все эти идеологические плутни неспроста. И “за бугром”, и в Белокаменной ныне заговорили, вкрадчиво, о Перестройке-II и о втором пришествии либерализма. Похоже, как ложка к обеду, – миф о “храбрых портняжках”-младореформаторах?

С. Д.: Я не знаком с писаниями упомянутого Вами Хоффмана, но после 20 лет развала российской экономики на путях рыночного развития рассуждения о “жалком существовании советской экономики” кажутся мне полным бредом. С точки зрения таких господ, когда страна наращивала свой валовой продукт, то это было плохо, а когда он уменьшился, то стало хорошо. Когда повышалось благосостояние народа, то это было плохо, а когда мы обнищали, то стало хорошо. Когда смертность населения на тысячу человек в год была 8–10, то это было плохо, а когда стало 15–16, то стало хорошо. А ведь всё это и многое другое подобное является результатом реформ.

Что касается самих реформ, то в своей книге “Столкновение и сговор” американская журналистка Джанин Уэдделл показала, что они были осуществленными по сговору между администрациями Клинтон и Ельцина американским проектом. Там же она приводит обличающие документы в отношении Саммерса и Чубайса. По своему служебному положению Чубайс был выше своего наставника на две ступени. Ведь Саммерс был заместителем министра финансов, а Чубайс и министром, и вице-премьером. А этот самый Саммерс обращался с Чубайсом как зависимым от него подчиненным, обязанным выполнять его указания. Американский автор без прикрас описывает шефство Белого дома над дилетантским правительством Гайдара. Под строгим началом Саммерса разрабатывались методологии и документы “реформаторов”. Чубайс получал американские “бумаги” и подсовывал их Ельцину. Ельцин подписывал, а Гайдар проворачивал практически. Публике медиа внушали, будто бы всю шокотерапию и придумал, и протачил Егор Тимурович. На самом деле “соломенный человек” был лишь исполнителем. Признаться, Егора Тимуровича я неплохо знал. Сам по себе он был неплохим человеком, из породы первых учеников. Когда он отвечал в университете на экзамене, ему нельзя было не поставить пятерку. От “А” до “Я” все знал назубок. Но по складу ума и личности он был из тех начетчиков, что пороку не изобретут. Познания в экономической теории пригодились ему, когда он трудился консультантом в журнале “Коммунист”, а под венец горбачевской “перестройки” и редактором экономического отдела “Правды”. Он был сугубо книжным человеком, который наивно верил во всё написанное. В одно время он верил в марксистские догмы, иначе бы его в “Коммунист” и “Правду” не взяли. Когда ветер времени подул в другую сторону, он так же слепо поверил в прописные догматы монетаризма. Что из этого получилось, теперь ясно всем.

В. Б.: Пожалуй, Гайдар был дважды начетчиком. До перестройки обретался в безвестности, делая штудии на стезе экономической теории марксистской. А когда Горбачев сподобился открыть химерическое “новое мышление”, Егор Тимурович в одночасье превратился в записного либерала и упертого “монетариста”, верного последователя учения фон Хайека. В те годы я работал в экономическом отделе “Правды” и стал невольным свидетелем его внезапного воцарения. Редактор эконо-

мического отдела первой газеты страны прежде – всегда сильный профессионал-газетчик, политически весомая величина. Гайдар для этой роли никак не годился. Он был типичным назначенцем, которого навязала Старая площадь. Случилось это нелепое назначение антикоммуниста в редакцию “Правды” вскоре после смещения главного редактора академика Виктора Афанасьева, интеллектуала, личности самостоятельной и непокорной. Гайдара вовсе не волновало, что происходило в экономическом отделе “Правды”, который он разваливал словно нарочно. Время от времени он и вовсе таинственно исчезал, отправляясь на промывку мозгов в Америку. Его назначение в “Правду” было политической уловкой его покровителей. Не просто, дескать, бойкий автор экономических опусов, которых тогда пруд пруди, а голова, призванная в высшую партийную номенклатуру. Полагаю, это проделка кукловода и архитектора реформ хитреца Яковлева. Продвигая это “инородное тело” – Гайдара в “Правду”, люди Горбачева делали этикие изощренные шахматные ходы, расставляя, впрок, своих перевертышей на верхних этажах партноменклатуры. Всё затевалось исподволь, загодя и издалека. Партноменклатура, которая уже сама была на сносях, торопилась поспеть заключить закулисную унию с ельцинистами, рвавшимися к власти.

С. Д.: Насчет интриг Старой площади и действий загодя я не вполне согласен. Например, достоверно знаю, как выдвигался Чубайс. Как-то в Белом Доме у меня был разговор с Русланом Хасбулатовым. И он спросил моего совета, дескать, спешно надо создать при Верховном Совете экспертную группу. Чтобы ученые, в том числе экономисты, проводили компетентную экспертизу законодательным проектам по развитию рыночных реформ в РСФСР. Хасбулатов просил меня подумать, кого бы рекомендовать в экспертную группу. Я спустился с четвертого этажа и тут повстречал Петра Филиппова, с которым я сотрудничал в социал-демократической партии. Я ему и пересказал, что за разговор имел только что с Хасбулатовым. Через несколько дней он позвонил мне домой и попросил встречи с одним очень подходящим человеком. Я ответил: “Приходите”.

Оказалось, человек, с которым Филиппов пришел и хотел меня свести, это Анатолий Чубайс, брат Игоря Борисовича Чубайса, известного историка и философа. Анатолий рассказал о себе. Я его кое о чем расспросил, и мне он показался подходящим, да и Филиппов его хвалил. С скромный такой, даже застенчивый. С учётом своего возраста и положения я, можно сказать, прочитал своим молодым гостям микролекцию минут на пятнадцать о том, как, на мой взгляд, следует подступиться к экономическим реформам в России. По иронии судьбы я их убеждал в *постепенности действий*, то есть в обратном тому, что они впоследствии стали делать. Главным нашим учителем, говорил я, должен быть опыт, в соответствии с подсказками которого следует корректировать свои действия. Камнем преткновения будет утверждение частной собственности, говорил я, поскольку у нас нет традиции и культуры частного предпринимательства. К этому у нас существует предвзятое отношение. И надо убедить людей, что частное предпринимательство – не исчадие ада, а благо и необходимость в рыночной экономике при условии овладения западной культурой ведения хозяйства. Над моими наставлениями теперь можно смеяться, но тогда они воспринимались без возражений. Словом, Филиппов поручился, и я без оглядки сосватал Чубайса Р. И. Хасбулатову. Анатолий Борисович Чубайс был зачислен в экспертную группу Верховного Совета РФ. Если бы он был кем-то подобран ранее, то моя помощь ему не была бы нужна.

Однако потом произошло нечто, достойное большего внимания. Произошло много такого, что мне неизвестно, в результате чего Анатолий Борисович вскоре оказался во главе российского комитета по имуществу. В этой роли он съездил в США, откуда, видно, приехал уже другим. Об этом можно судить по статье, представленной им в существовавший тогда орган Совета Министров СССР “Правительственный Вестник”. Мне позвонил зам. главного редактора (фамилию забыл), которому моя позиция была известна, и говорит: “Ваш Чубайс – Федот, да не тот. Не хотите ли посмотреть его статью и написать о своем отношении к затронутым вопросам?”. Так и сделали, и газета поместила наши статьи с разными позициями на одной и той же полосе.

Теперь насчет Гайдара. Академик Станислав Шаталин находился в Кунцевской больнице, и я по телефону условился его провести в очередную пят-

ницу. Накануне, в четверг он звонит и говорит: “Завтра ты не приезжай”. “Почему?” – “Потому что ко мне приедет Ельцин, и мне будет не до тебя”. И я не поехал. Навестил его через два дня. Оказалось, Ельцин действительно наведался к нему, чтобы посоветоваться о том, кого бы ему взять экономическим советником. По словам Шаталина, из пяти названных им кандидатур Ельцин выбрал Гайдара. Скорее всего, фамилия, вернее псевдоним деда, автора “Тимура и его команды”, для провинциала Ельцина сыграла решающую роль.

Помнится мне, мы ещё дискутировали, что значит быть советником такой авторитарной личности, как Ельцин. “Вот ты был советником Горбачёва, и что ты значил?” – спрашивал я его. “Ровно ничего”, – отвечал он. Я тоже ему рассказал: “Как-то нас, человек тридцать ученых мужей, вызвали в ЦК и объявили нас советниками Горбачева, но лично я тогда ни разу не видел его иначе, как по телевизору”. Советник в наших условиях, говорил я, ничего не значащая декоративная фигура.

Но в данном случае мы ошиблись. Из скромного советника Гайдар вскорее превратился в много значащую политическую фигуру, в символ осуществлённых в России судьбоносных реформ. Его деятельность можно оценивать по-разному. Но при всех условиях его нельзя считать кем-то заранее подобранным для осуществления злых намерений. До поры до времени ни Гайдар, ни Чубайс американцам не были известны. Другое дело, когда они заняли должности и стали известны. Тогда американцы нашли в них своих людей и подобрали к ним ключи.

Какими бы трагическими ни были фигуры Ельцина, Гайдара, Черномырдина, Чубайса, Козырева и иже с ними, на мой взгляд, их надо рассматривать не отдельно, а вкуче с множеством других, имя которым легион, с лёгкостью отказавшихся от всего своего и услужливо склонивших головы перед теми, от кого ожидали милости себе. Причина здесь более глубокая, чем подкуп со стороны. Мне кажется, она заключена в кризисе нашей цивилизации. В поворотный момент нашей истории мы дрогнули, потеряли волю к борьбе за своё существование и бездумно вручили свою судьбу в руки тех, кто вместо отстаивания интересов своей страны оказался способным лишь к капитуляции перед внешними силами.

В. Б.: И впрямь, неисповедимыми путями делается история в окаянную годину. Смута, неразбериха 90-х годов давно позади, а морок всё никак не сгинет. И нет ощущения твердой почвы под ногами. “...Живётся сомнительно, без уверенности в завтрашнем дне, без уверенности в дне настоящего”, – читаем у Салтыкова-Щедрина. И дальше, примечательное: “Родилась язва холопства, принимающая вид смелости, а в основе ее наглость и ложь”. Это язвительное щедринское замечание как не примерить к новорусскому интеллектуальному сообществу! К тем ученым мужам, что “на ловле счастья и чинов”, угодничая, “кадят и кадят” “путиноике”. Присягнувших либеральному мейнстриму – не большинство ли и в академической среде?..

Был я свидетелем Вашего теоретического доклада в Академии наук о сокрушительных итогах либеральной реформы в России. Он оказался подобен притче о платье голого короля. Из всего услышанного на дискуссии я вынес убеждение, что официозная либеральная экономическая наука благолепно сложилась. Она затвердела, стала каким-то новым “истматом”, или как ее еще прозвать. Почему же так обернулось? Вот вы бываете в Кембридже, встречаетесь со своими зарубежными коллегами, людьми в научном истеблишменте известными за рубежом. Как-то они осмысливают, оценивают это грехопадение нашей экономической науки? Вернее, в той ее части, что перешла в услужение олигархии?

С. Д.: По-разному оценивают, потому что и Запад разнороден. Та среда, в которой я обретаюсь, оценивает нашу теперешнюю экономическую мысль, прямо скажем, не высоко. Я себя ощущаю на Западе как исследователь и соратник дискуссий гораздо свободнее, встречаю большее понимание, чем здесь. В том докладе, о котором вы завели разговор, шла речь о соответствии принятой нами модели экономики нашим условиям, и утверждалось, что Россия с неотвратимостью вползает в кризис. Если помните, то некоторые из участников обсуждения (академик Глазьев, член-корреспондент Медведев, профессор МГУ Бузгалин и другие) отнеслись к положениям доклада с интересом и одобрением. Однако большинству, в особенности академику

Аганбегяну, доклад пришелся не по вкусу, потому что Аганбегян был в числе проводников реформ, несостоятельность которых много раз вскрывалась. Но ещё было то, чего Вы не знаете. Некоторые близкие мне по духу академики (Некипелов, Абалкин, Ивантер), которые сами способствовали постановке доклада, вообще не пришли на обсуждение. Наверное, не хотели ни соглашаться, ни критиковать меня. А ведь разбушевавшийся чрез три года кризис показал, что ситуация сложилась даже хуже, чем она оценивалась в докладе.

В. Б.: А выступали ли Вы ещё с этими идеями позже?

С. Д.: Много раз, и здесь и за рубежом. Опубликовал статью в журнале “Вопросы экономики”, а также отдельную брошюру на эту тему. В американском журнале “Посткейнсианская экономика”. Ещё одна работа на выходе в США.

В. Б.: И какова же реакция на Ваши выступления?

С. Д.: Смотря где. На Западе мои оценки реформ вызывают определенный интерес. У нас? Единомышленники поддерживают, а довольные своим положением и доходами игнорируют.

В. Б.: Выходит, посткейнсианцы на Западе порицают конформизм российской экономической науки, которая метнулась от марксизма к либерализму?

С. Д.: Посткейнсианцев этот вопрос особенно не занимает. Они черпают свои идеи и решения у Маркса, Кейнса и Калецкого, с опорой на которых многие выдающиеся представители этого направления экономической мысли разработали собственную концепцию развития, которую я считаю более подходящей для наших условий. У посткейнсианства есть собственный счёт к либеральной теории, принятой в России и имеющей название “неоклассической ортодоксии”. Посткейнсианцы рассматривают современный капитализм как далёкий от того, каким его рисует “неоклассическая ортодоксия”. Они утверждают, что капитализм не является тем общественно-экономическим строем, за который его выдают защитники. Однако я здесь не могу входить в рассмотрение того, какую альтернативу этой теории они противопоставляют. Более важно сказать о том, что наш двадцатилетний опыт построения капитализма является ярчайшей иллюстрацией и подтверждением, прежде всего, марксовской оценки капитализма как общества во имя обогащения одних за счёт обнищания других. Раньше мы об этом только читали, теперь пришлось испытать на собственной шкуре. Произвол хозяина над работником стал полным. Заработная плата устанавливается на недопустимо низком уровне, в то время как цены и тарифы непрерывно растут, а покорные работодателям профсоюзы молчат. Зато прибыли растут так, что миллиардеров становится всё больше и больше. Именно так и описывал капитализм Маркс.

В то же время власти кормят нас сказками о том, как хорошо якобы станет когда-то. Но каким образом догматы, приведшие нас к нашему нынешнему состоянию, начнут действовать иначе и поведут к лучшему? Ведь необходимость рынка доказывалась тем, что он содержит автоматически действующий механизм модернизации экономики, а потому никакого планирования не нужно. Надо, мол, дать этому механизму полную свободу, и всё пойдет по маслу. Дали, и что же? Ничего этого нет, и президенту пришлось выйти на сцену и призывать к модернизации. Но бизнес в ней не заинтересован, а остальных призывай не призывай – толку никакого. Сколько ни говори халва, халва, от этого сладко во рту не станет. Значение имеют только реальные факты. А они таковы, что вначале был дефолт 1998 года, а теперь имеем поразивший нас финансово-экономический кризис.

В. Б.: Сейчас накатывает новая волна мирового кризиса. Экономика ЕС трещат по швам. Уоррен Баффет предсказывает девальвацию доллара. Как России выстоять? Возможен ли по накатанной либеральной и коррупционной колее пошехонского грюндерства выход на парадигму развития?

С. Д.: Нет, невозможен. Самым пронизательным и откровенным западным политиком, оценивающим глубину кризиса, неожиданно для меня выступил президент Саркози. По существу, он призвал к регулированию капитализма и тем самым социалистическому в известном смысле преобразованию капитализма. Во всяком случае, оценка Саркози больше всего соответствует реальности. Мир капитала, как встарь говорили, на опасном распутье. Так же, как мы при Горбачеве оказались перед необходимостью принятия рыночных

способов ведения хозяйства, так теперь капитализм оказался перед необходимостью принятия методов планового регулирования экономики. Короче говоря, в ответ на капитализацию социализма теперь требуется, так сказать, нештучная социализация капитализма. И это осознает Саркози, имеющий репутацию политика правого толка.

Я очень удивлен идеологическими превращениями Саркози. Он первый из политиков такого масштаба заговорил о том, что нельзя выйти из кризиса иначе, как путем установления контроля за финансовым оборотом и регулирования капиталистической экономики. А это и есть признаки социалистической тенденции.

В. Б.: Вице-премьер Шувалов заявил о спешной приватизации 5000 предприятий. Идет вторая волна либерализации. Греф настаивает на распродаже акций Сбербанка частным акционерам. Государство все более сужает свое присутствие в экономике. Тем временем квазигосударственные корпорации показали, что являются лишь инструментом присвоения прибыли анонимными рыночными “агентами”. Вот контекст, о котором сейчас идут толки и во власти. Означает ли все это, что “путиномика” является завершённым проектом? В свое время вы издали книгу, в которой высказали взгляд, что ельцинизм 90-х годов, по своей глубинной сущности, анархо-либерализм. А как определить сущность “путиномики” – как отпрыска анархо-либерализма, но с другой морфологией?

С. Д.: Ни Путина, ни Медведева, при всех их амбициях, я не считаю решающими фигурами в экономике. Осознают они это или нет, хотят или нет, но они исполнители воли господствующего класса, каким в России является олигархический капитал. У кого богатства – у того и власть. Рыночная экономика подчиняется бизнесу, а не президентам.

Разве Вы забыли, как в выборах 1996 года при трёхпроцентном рейтинге олигархи всё равно сделали Ельцина президентом? Если бы Путин или Медведев вздумали что-либо серьёзно изменить в стране к лучшему для народа за счет ущемления интересов олигархов, то последние подняли бы такой вой в стране и мире, что руководители государства вынуждены были бы отступить.

Поэтому ни от них, как и ни от кого другого коренных перемен в пользу народа ожидать не следует. Никто не даст народу избавления, ни Бог, ни царь, ни герой, добиться улучшения он может только собственной рукой. Только народ может принудить власть поставить олигархов и вообще капитал под социальный контроль и предписать им такой образ действий, чтобы в выигрыше оказалось всё население. Пока этого нет, мы будем катиться по заданной наклонной к катастрофе, масштабы и характер которой представить заранее невозможно.